

— Рукава, как вы прокомментируете тот факт, что ваш соотечественник Сакураги Ханамити в последнее время одержал пять побед подряд в плей-офф?

После того как журналист задал этот вопрос, в зале воцарилась неловкая тишина. Коллеги по цеху, казалось, молча сочувствовали парню, полагая, что Рукава теперь внесет его в черный список и выставит вон. Во всем американском баскетбольном сообществе — и не только в рамках НБА — любой, кто знал о наличии в лиге японских игроков, был прекрасно осведомлен: Сакураги и Рукава как лед и пламя, их имена нельзя упоминать в одном контексте.

Однажды какой-то неопытный репортер уже пытался спросить Сакураги о Рукаве по пути с площадки, но был настолько напуган внезапно помрачневшим лицом Сакураги, что надолго лишился дара речи. Если бы не товарищи по команде, которые вовремя заметили неладное и оттащили журналиста, сжатые кулаки Сакураги наверняка отправили бы того в глубокий нокаут. Конечно, агент Сакураги потом категорически отрицал, что подобное вообще было возможно. Но кто из журналистов дурак? Атмосфера, пропитанная жаждой крови, не могла быть фальшивой. И хотя до драки дело не дошло, этот случай стал негласным правилом: в присутствии Сакураги о Рукаве — ни слова. Со временем негласное правило трансформировалось в запрет на упоминание одного в присутствии другого. Разумеется, спрашивать об этом самого Рукаву никто не осмеливался.

Никто не ожидал, что сегодня какой-то желторотый новичок, вышедший на работу первый день, проткнет этот бумажный фонарь. Задав вопрос, он с любопытством смотрел на холодного, хранящего молчание Рукаву. Это была пресс-конференция после первого же матча Рукавы в стартовом составе, где он оформил трипл-дабл, но из-за неуместного вопроса остальные журналисты уже мысленно проклинали новичка, опасаясь, что звезда просто встанет и уйдет.

На самом деле, у Рукавы всегда было такое выражение лица, и сегодня ничем не отличалось от обычного. Но из-за предвзятости журналистам казалось, что он стал еще холоднее, чем всегда.

— Сакураги Ханамити — выдающийся баскетболист. Я жду от него еще более высоких результатов и надеюсь на возможность помериться силами на площадке.

Хотя в голосе Рукавы по-прежнему не чувствовалось ни капли эмоций, присутствующие журналисты взорвались, словно вулкан, скрытый под толстым слоем пепла. Кто бы мог подумать, что ледяная гора сама заговорит о Сакураги? Такие подарки судьбы случаются не каждый день.

— Рукава, вы с Сакураги были товарищами по команде в старшей школе, какими были ваши отношения тогда?

— Господин Рукава, если вы встретитесь с Сакураги на площадке, есть ли у вас шансы на победу?

— Господин Рукава, почему Сакураги отказывается обсуждать любые темы, связанные с вами?

— Господин Рукава, вы с Сакураги друзья?

— Как два из немногих японских игроков в НБА, почему вы практически не общаетесь? Что-то произошло между вами?

Рукава, казалось, не был готов к такому шквалу вопросов, но продолжал невозмутимо сидеть за горой микрофонов, ледяным взглядом озирая зал, который вот-вот готов был выйти из-под контроля. Наконец, агент Лок, заметив неладное, бросился спасать положение:

— Прошу всех сосредоточиться на господине Рукаве, не нужно переходить на личности других игроков.

— А Сакураги Ханамити — это просто личность? Он ваш соперник или друг?

Казалось, этому не будет конца. Лок уже собирался прервать встречу, но, не успев открыть рот, услышал голос Рукавы, разнесшийся через десятки микрофонов:

— Возможно, мы не соперники, но можем быть друзьями.

Сказав это, Рукава поднялся, гордо обвел взглядом присутствующих и, не оглядываясь, покинул зал.

На следующее утро заголовки спортивных сайтов пестрели похожими фразами: Новая машина по набору очков Лос-Анджелес Лейкерс Рукава Каэдэ протягивает оливковую ветвь Сакураги Ханамити. Неужели многолетние враги наконец пожмут друг другу руки?

Рукава увидел новости только в полдень, так как после матчей привык отсыпаться до обеда. Прочитав ссылку, присланную Локом, он без тени эмоций пошел разогревать завтрак, словно новость не имела к нему никакого отношения.

А вот у Сакураги состояние было совсем иным. Точнее, у его телефона. В тот момент, когда он прочитал заголовок, Сакураги взревел, со всей силы швырнул телефон в стену и задрожал от ярости. Потрясенный, он вспомнил, что надо бы узнать подробности, подобрал телефон — что ж, пользоваться им было уже нельзя. Смирившись, он перерыл все ящики, нашел скрепку и с трудом извлек сим-карту. В столе лежало несколько новых, нераспечатанных телефонов — он не знал, откуда они взялись, но помнил, что агент говорил о них.

Когда он наконец открыл ссылку на статью, гнев поутих. Он даже смог спокойно дочитать текст до конца, включая ту самую вызывающую фотографию Рукавы, глядящего на всех свысока.

— Проклятый лис!

Сакураги злился на себя за то, что за столько лет вырос всего на десять сантиметров и обзавелся горой мышц, а вот мозги, похоже, остались на прежнем уровне. Даже ругательства в адрес Рукавы не менялись. От частого повторения эти зубодробительные проклятия потеряли

всякую остроту, и он не мог найти подходящих слов, чтобы выразить свой гнев. Сакураги издал яростный вопль, схватился за свои короткие волосы и надулся, как рыба-фугу.

День.

Пришло сообщение. У Сакураги была привычка: если позволяли обстоятельства, он читал и отвечал на сообщения сразу. Он считал, что если люди пишут, значит, у них есть дело, и заставлять их ждать — невежливо. Когда Мидзуто Ёхэй впервые услышал это, он чуть не рассмеялся до слез, хлопая его по плечу:

— Ханамити, с каких это пор ты стал так заботиться о других? Совсем на тебя не похоже!

Сакураги долго думал об этом, и сам находил это удивительным, но, не найдя ответа, просто решил действовать по настроению. Поэтому, не дожидаясь, пока выйдет пар, он схватил телефон. Это был агент:

— Ханамити, ты видел статью? Нужно делать заявление?

— Заявление? — Сакураги наконец остыл. Подумав, он ответил: — Позвони ему, пусть следит за своим языком. Если еще раз впутает меня в свои дела, я с ним церемониться не стану!

— Хорошо.

Получив сообщение, агент немедленно связалась с агентом Рукавы. Хотя у нее был номер самого Рукавы, она интуитивно чувствовала, что лучше вести переговоры через посредника.

— Лок, здравствуйте. Это Фудзи, агент Сакураги Ханамити.

— Госпожа Фудзи? Редкий гость! С чего вдруг вы решили позвонить? — Лок говорил это, а у самого сердце ушло в пятки. Он прекрасно понимал: после того, что Рукава вчера ляпнул в сеть, Сакураги вряд ли остался бы спокоен. Вот и пришел час расплаты.

— Лок, мы видели вчерашнее заявление господина Рукавы. Мы считаем его неуместным. Если подобное повторится, мы будем вынуждены принять меры.

Лок знал, что Сакураги — человек слова, и не хотел, чтобы из-за недопонимания они действительно подрались. Пообещав, что подобной ерунды больше не повторится, он повесил трубку и с досадой посмотрел на Рукаву, который невозмутимо завтракал.

— Что-то не так? — спросил Рукава, взглянув на него.

— Босс, упоминать Сакураги на пресс-конференции — это уже само по себе не так! Это может вызвать ненужные проблемы.

Лок понимал, что намеки не работают, особенно когда Рукава только проснулся.

— А, ты об этом, — Рукава приподнял бровь и безразлично добавил: — Я просто хотел проявить дружелюбие. Мы ведь учились в одной школе, хотя отношения у нас были не самые лучшие. Впрочем, — он помолчал, — кажется, и не такие уж плохие.

— Но сейчас у вас все очень плохо, и подобные действия только все усугубят.

Лок надеялся, что Рукава поймет, насколько сильно Сакураги его ненавидит. Но Рукава думал иначе.

— У нас все плохо? — он озадаченно посмотрел на агента.

Лок схватился за голову и вздохнул:

— Босс, неужели ты думаешь, что ваши нынешние отношения — это нормально?

Рукава отложил приборы и, скрестив руки на груди, задумался. Лок подождал и решил подвести итог:

— Босс, смотри: вы оба — одни из немногих японцев в НБА, но вы никогда не разговаривали, не появлялись вместе в кадре, не участвовали в одних мероприятиях. Максимум — игры, но ваши команды даже не пересекались. Ни в частном порядке, ни на публике вы словно две параллельные прямые. Единственное, что вас связывает — гражданство и школьные годы. Разве это похоже на хорошие отношения? Вы как чужие люди. К тому же...

— К тому же что? — спросил Рукава.

— К тому же Сакураги Ханамити открыто заявлял, что у вас плохие отношения.

Сидя в машине, Рукава все думал над словами своего агента. Хотя он и не понимал причины, он никогда не привык глубоко копаться в проблемах. Он просто считал, что этот болван до сих пор ведет себя как в школе, упрямится по пустякам. Он решил не брать это в голову — амебы не склонны усложнять жизнь.

Но сегодня он проделал такой путь ради вопроса, который явно был сложным. Он не мог его решить, не приехав лично. В этот момент идущая впереди машина резко затормозила. Рукава ударил по тормозам, но, отвлекшись, не успел среагировать и врезался в задний бампер.

Он взглянул на часы — времени до встречи, которую организовал Лок, оставалось мало. Но когда Рукава увидел красную макушку, показавшуюся из передней машины, он вдруг понял, что встречаться с тем человеком больше не нужно.

В это мгновение он остро осознал: слова агента о том, что у них плохие отношения — это объективная реальность. Оказывается, он уже целую вечность не видел этого болвана.